

О культурной и этнической принадлежности поселений бассейна р. Тром-Аган

В последние годы Уральской экспедицией опубликован обширный материал по истории Сургутского Приобья¹. Но почти все выводы основаны на исследованиях памятников Барсовой горы близ Сургута. Опубликованное, за редким исключением, относится к более ранним, чем средневековые, периодам. В данной статье приведены новые комплексы материалов по истории населения среднего течения р. Тром-Аган (правый приток Оби) начала железного и средних веков, устанавливается время заселения, культурно-хронологическая и этническая принадлежность памятников.

Для этого использованы материалы частично раскопанных авторами в 1973—1976 гг. Ермаковых городищ II, IV, V, VIII и селищ 5, 14, XI (примыкает к одноименному городищу), разведок на селищах Ермаково 4, Путчи-Урий 1—2, Егоркин-Урий 1—5 и городищах Путчи-Урий II—III, Егоркин-Урий I—III, Ермаково XVIII—XX. Привлечен материал раскопок городища Ермаково I и действовавшего на нем до недавнего времени святилища (рис. 1-Б).

1. История изучения и описание поселений опубликованы². Мы ограничимся общей характеристикой. Они расположены близ заброшенной д. Ермаково (60—70 км северо-восточнее Сургута) в бассейне р. Эгут-Ясун (русское название Сургутка), правого притока Тром-Агана (рис. 1). Местоположения однообразны: кроме селища Ермаково 14, расположенного на береговой террасе (высота 1,5—2 м), все приурочены к возвышенностям (до 15 м), но обязательно недалеко от воды (наибольшее удаление 60 м). Гривы, определяющие рельеф местности, богаты ягелем, ягодами, на них и сейчас сохраняется большое количество ловушек на зверя. Заселение происходило с учетом близости водоема, транспортного пути и охотничьих угодий.

Из рассматриваемых одиннадцати селищ раскапывались Ермаково 5, 14 и XI. Они небольшие, из трех-восьми сооружений. По визуальным фиксируемым особенностям выделены три группы древних сооружений (объектов). Форма их подчетырехугольная и округло-овальная, размеры 2×3 — 8×10 м при глубине впадин $0,1 \times 0,2$ — $0,5 \times 0,7$ м и высоте площадок до $0,2$ — $0,4$ м.

В первую группу вошли остатки из впадин с валообразным окружением (с входом и без него), во вторую — приподнятые площадки и в третью — впадины. Объекты второй группы зафиксированы на селищах Ермаково 5, Путчи-Урий 1, первой

и третьей — на всех памятниках. На селище Ермаково 14 два объекта первой группы очень отчетливы: одна часть наиболее углублена, что может говорить о позднем возведении.

Характеристика городищ сложнее, она включает данные по площадке и укреплениям. Остатки сооружений на площадке аналогичны описанным на селищах. Постройки второй группы отмечены лишь на городищах Ермаково IV, VIII, Путчи-Урий I, первой (за исключением Ермаково IV и Путчи-Урий I) и третьей — почти везде. Необходимо отметить преобладание на городищах объектов первой группы с фиксируемым выходом: они отмечены на пяти из семи городищ (большинство построек) и лишь на пяти из одиннадцати селищ (только семь построек). По внешним (поверхностным) особенностям построек городища подразделяются на две группы: первая — Ермаково IV, V, VIII, Путчи-Урий I, вторая — Ермаково I, II, XI, Егоркин-Урий III. Кроме того, выделенные группы различаются площадью, формой, системой и размерами укреплений, внутренней застройкой. Городища первой группы (свыше 2000—3000 м²) обширнее других (не свыше 1300 м²); они преимущественно округло-овальные в отличие от подчетырехугольных второй группы. Для первой группы характерны укрепления из вала — рва (рва — вала). Во второй они разнообразнее и сложнее: ров (Егоркин-Урий II), ров — вал (вал — ров — Ермаково XI, Путчи-Урий III), вал — ров — вал (ров — вал — ров — Ермаково II, Путчи-Урий II, Егоркин-Урий III). Размеры валов и рвов городищ первой группы значительно меньше, чем второй. Внутренняя застройка в первой группе беспорядочная в отличие от рядовой во второй (кроме городищ Егоркин-Урий II, III).

Сравнивая выделенные группы с городищами Нижнего и Среднего Приобья, можно отметить сходство первой с I группой приобских, а второй — с их IV группой³. I группа приобских датируется ранним железным веком, а четвертая — второй половиной I — началом II тысячелетия н. э.⁴

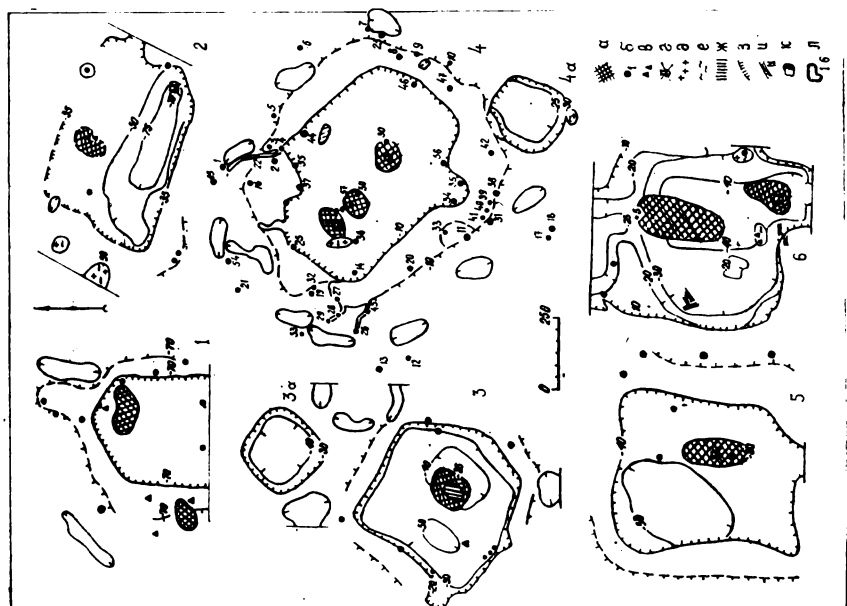
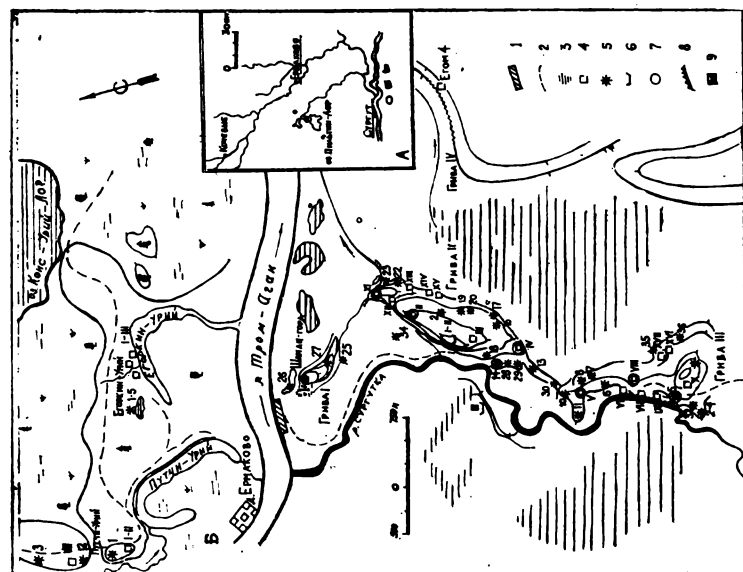
2. Раскопами вскрыты остатки восьми сооружений: шести — полностью, двух — частично (рис. 2). Их анализ затруднен недостатком данных и наблюдений. Приводимое ниже описание сделано на основе программы⁵. Анализ всей совокупности признаков, характеризующих вскрытые сооружения, этнографические и археологические аналогии позволяют определить

Рис. 1. А — район работ УАЭ в Сургутском Приобье; Б — схема расположения археологических памятников в районе Ермаково:

1 — пристань, 2 — дорога на буровые, 3 — болото, 4 — городище, 5 — селище, 6 — могильник, 7 — частично исследованные поселения, 8 — обрыв, 9 — святилище

Рис. 2. Планы сооружений селища Ермаково 5 (1), городища VIII (2), селища около городища XI (3, 3а), городища IV (4, 4а), селища 14 (5), городища II (6):

а — очаг, б — столбовая ямка, в — скопление керамики, г — развал сосуда, д — уголь, е — зола, ж — прокал, з — очертания котлованов сооружений, и — истлевшее дерево, к — камень, л — очертания котлованов

постройки 1—2, 5—7 как жилые, а сооружения 4, 8, 9 как хозяйственные. Характер сооружения 3 определить трудно. Очевидно, именно назначением сооружений обусловлены различия площади, ориентировки, характер спального места, числа и мощности очагов, выходов, внутренней планировки и др. В целом же независимо от них постройки отнесены к двум типам: полуземляночному (глубина свыше 30—40 см) и наземному (поверхность или углубление не более 20—30 см).

Выделение типов условно, так как проведено лишь по одному признаку. Это обусловлено малочисленностью сооружений и неполнотой признаков, их характеризующих. Если нижняя часть сооружений может быть восстановлена, то для реконструкции верхней материала недостаточно. Обнаруженные в жилище I городища Ермаково II мелкие обломки плах нельзя использовать для реконструкции. Пробел можно восполнить анализом углублений и ямок от столбов сооружений обоих типов.

Для этого можно использовать сооружение 2 (второй тип) городища Ермаково IV, вскрытое вместе с внешними ямами (рис. 2-4). Вокруг зафиксирована подсыпка стен в виде вала шириной 0,7—1,5 м, повторяющего очертания углубления. Это была «завалина» шириной 1—1,1 м (от внутренней до внешней линии ям от столбов) и минимальной высотой до 30 см.

Углубление незначительное (10—15 см), его стены не совсем ровные (особенно противоположная входу), углы округлые и не очень четкие. Это, вероятно, связано с недостаточным жестким креплением стенок.

Стены были, скорее всего, вертикальные, о чем свидетельствует положение ям от столбов, анализ которых дает дополнительный материал и для реконструкции каркаса. Двадцать четыре из пятидесяти шести ям расположены в пределах углубления: 11 по периметру четырехугольника (6×4,5 м), хорошо фиксируются угловые (8, 14, 16, 42) и срединные столбы. Внутри (36, 37, 56) можно выделить три угла еще одного четырехугольника (2,7×4 м). Угловые и срединные столбы несли четырехугольную раму, державшую, вероятнее всего, четырехскатное перекрытие.

Местонахождение выхода определяется по овальному углублению и расположению ям от столбов (45, 26—29, 19, 32, 53, 54, 21). Это был навес (2—2,5×3,5 м), укрепленный на столбах (27—29, 53, 21, 54) и стенке (27—29).

Внутреннюю планировку сооружения восстановить трудно. Ее элементы — очаги, ниша и возвышения в северном и южном углах. Очаги-кострища лежали по оси сооружения, один (III) в юго-восточной и два (I—II) в северо-западной половине. Они использовались и для металлообработки: в них найдены обломки тиглей, медные сплески, кусочки спекшейся глины.

Зафиксированная в южной части ниша имела подпрямо-

угольную форму (1×0,7 м). Подпрямоугольное возвышение (1,3×0,9 м) в южном углу могло использоваться как кухонный стол. Возвышение (1,3×2 м) в северном углу могло быть кладовой. Оно ограничено ямами (16, 2, 4, 55, 37).

Реконструкция полуземлянки основана на материалах городища Ермаково II. Зафиксированные на поверхности постройки обращены входами друг к другу. Это подтвердили раскопки (рис. 2-6).

Стены углубления (до 50 см) теперь неровные, пологие или отвесные, углы округлые и нечеткие, что обусловлено недостаточной жесткостью креплений. Остатки этого крепления фиксировались неширокой (в среднем 10—15 см) полоской более темного заполнения, которая ограничивала по дну обе части сооружения, соединяя их в один комплекс из жилища и хозяйственной постройки. Профиль, количество и расположение ям позволяют предположить, что постройка имела шатровое перекрытие с четырехугольной рамой на опорных столбах⁶.

Для реконструкции интерьера данных мало: очаги располагаются по длинной оси ближе к выходу. Основным был очаг 1: об этом свидетельствуют его размеры (1,3×2,6 м, толщина прокала до 40 см). Он мог обогревать и пристрой, соединенный с жилищем широким проходом (до 1,5 м).

Очаги лежали в наиболее углубленной (до 10 см) части жилища (4,5×2,2 м). Ближе к выходу фиксировалось сужение углубления (до 1,3 м). Расположенная слева от входа площадка (2×4 м) могла быть спальным местом, что подтверждается отсутствием находок.

Остальные сооружения (с Ермаковых городищ V, VIII и селищ 5, 11, 14) дают очень мало для реконструкции. За исключением 3а и 4а, всюду прослеживаются подсыпка, очаг-кострище, выход. Профиль большинства ям вертикальный, что указывает на вертикальность стен. Небольшие размеры углублений, не очень мощные очаги, простая по сравнению с жилищами 1—2 конструкция говорят об их сезонном использовании. Все они ближе остаткам с городища Ермаково IV и вместе образуют группу наземных построек.

Таким образом, жилища первого типа имели искусственно углубленные основания, площадь не более 25 м² и стены, образующие усеченную пирамиду, связанную сверху рамой и опирающуюся на угловые столбы.

Жилища второго типа подпрямоугольные, редко квадратные, с естественным углублением площадью до 32 м² и вертикальными стенами. Перекрытие лежало на угловых и центрально-осевых столбах. Оно могло быть (городище Ермаково IV, постройка 2) четырехскатным, с четырьмя центральными столбами, связанными сверху рамой. Внешняя обшивка завалины закреплялась дополнительно несколькими столбиками. В центре или в северной половине жилища находился очаг, в одном

из углов — хозяйственный стол или кладовая. Выход, как правило, угловой, обращен к водоему или внутрь поселка.

Оба типа жилищ имеют аналогии в постройках обских угров, заселявших и Сургутское Приобье⁷. З. П. Соколова отмечает характерное для этой зоны (как и для обширной лесной территории Западной Сибири)⁸ сочетание постоянных зимних поселений и жилищ с сезонными. К зимним постоянным З. П. Соколова отнесла полуземлянки и срубные дома, а также некоторые каркасные шатровые как углубленные, так и наземные. Переносным временным или сезонным жилищем служил чум, а также другие легкие, чрезвычайно разнообразные по форме и материалу⁹.

Время (сезон и продолжительность) обитания определить трудно. Можно отметить, что сооружение городища Ермаково IV было постоянным зимним жилищем, а Ермаково II могло быть и зимним и летним (последнее вероятнее). Остальные, скорее всего, легкие летние постройки.

3. Материал с поселений представлен преимущественно керамикой, обломками тиглей (Ермаковы городища IV и селища XI), кальцинированных костей (Ермаковы городища II, IV и селища 14, Путчи-Урий I), сплесками бронзы и скоплением мелких галек (городище Ермаково IV). Датировочные вещи получены с городища Ермаково I.

Несмотря на большое число памятников, коллекции с которых малы (до одного сосуда). Построить самостоятельную хронологическую шкалу, особенно для раннего железного века, на таком материале трудно. Поэтому в определении культурной принадлежности и хронологии памятников мы опирались на схему развития культур Приобья, предложенную В. Н. Чернецовым¹⁰. Кроме того, использованы результаты раскопок территориально близкой группы поселений Барсовой горы. Ю. П. Чемякин и М. В. Елькина, используя большие комплексы, уточняют схему В. Н. Чернецова в пределах раннего железного века: выделены типы керамики, характеризующие его разные этапы¹¹.

Керамика поселений Ермаково распадается на комплексы и группы раннего железного века (рис. 3) и раннего средневековья. Каждой соответствуют определенные однослойные памятники. Материал раннего железного века получен на Ермаковых городищах IV, V, VIII, XVIII—XX и селищах 4, 5, Путчи-Урий I; средневековый — на городищах Ермаково I, II, Егоркин-Урий I, III, Путчи-Урий II, селищах Ермаково 14, XI.

В керамике раннего железного века два комплекса. Первый распадается на две группы: для одной характерны узоры, выполненные гребенкой и змейкой, для второй — нанесенные гладким штампом фигуры, расположенные в шахматном порядке.

Первая группа первого комплекса получена на городище

Ермаково IV: 80 фрагментов 10 сосудов из одного жилища. Удалось лишь частично восстановить форму и орнамент (рис. 3-1—8). Аналогичная керамика обнаружена на памятниках Барсовой горы, выделена в белоярский тип и датирована VII—VI—IV—II вв. до н. э.¹²

Вторая группа представлена 54 фрагментами 5 сосудов (три и два с городищ Ермаково V и VIII; рис. 3-9—12). Подобная керамика встречена на памятниках Барсовой горы, в частности на городище Барсов городок I/10¹³. Время ее определяется VIII—VII—IV—II вв. до н. э.

Второй комплекс многочисленнее — обломки двух тиглей, 247 фрагментов 60 сосудов (рис. 3-13—24; 36 выделены по шейкам, с селищ Ермаково 4, 5, Путчи-Урий 1, городищ Ермаково XVIII (Мысовое), XIX (Горелое), XX (Пологое). Ближайшие аналогии известны на Барсовой горе (в частности, городище Барсов городок I/10, поселение Барсова гора III/4), в Нарымском Приобье (керамика васюганского типа)¹⁴. Датируют их IV—III вв. до н. э. — началом I тысячелетия н. э.¹⁵ К этому времени можно относить близкие материалы поселений Ермаково 4, 5 и Путчи-Урий 1.

Таким образом, деление на два комплекса обусловлено хронологически. Различия групп внутри первого можно объяснить принадлежностью разным группам населения. Первая группа, как показывают материалы Барсовой горы, принадлежала коренному населению, вторая — пришлому¹⁶. Ассимиляция пришлого населения местным объясняет появление второго комплекса.

В средневековой керамике тоже два комплекса — фигурно-штампованный и гребенчатый. Первый получен с городища

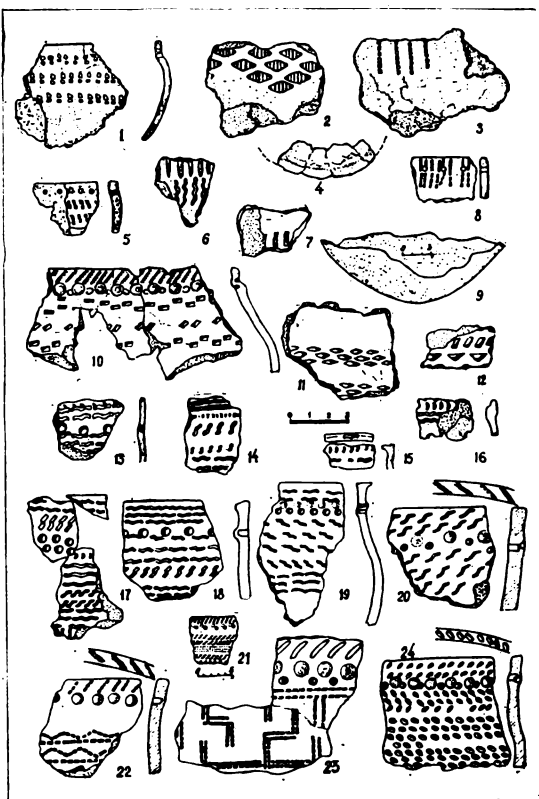

Рис. 3. Керамика поселений

1—8 — городище Ермаково IV, 9, 11, 12 — городище VIII, 10 — городище V, 13—24 — селище V

Путчи-Урий III, второй — со всех остальных (Ермаковы городища II, XI и селище 14; городища Егоркин-Урий I и Путчи-Урий II).

Первый комплекс представлен фрагментами двух сосудов. Как форма, так и орнаментация сосудов имеют большое сходство с материалами памятников ярсалинского этапа нижнеобской культуры, выделенной В. Н. Чернецовым (городища Уст-Толт, Леушинское, Большой Лог, ранний слой городища Барсов городок I/31). Этап датирован В. Н. Чернецовым II—III вв. н.э. Н. В. Федорова расширила его рамки с I до V—VI вв. н.э.¹⁷

Второй комплекс неоднороден. В нем выделяется более ранняя группа (с селища, примыкающего к городищу Ермаково XI, и городища Егоркин-Урий I) из 59 фрагментов 12 сосудов. Формы сосудов, композиции, ряд элементов орнамента сходны с оронтурскими. Но нет характерных фигурных штампов (за исключением змейки), заштрихованных треугольников, лесенок и пр. В. Н. Чернецов датировал оронтурский этап VI—IX вв. н.э., Н. В. Федорова — VIII—XI вв. н.э.¹⁸ Мы считаем, что рассмотренный материал более близок северным памятникам (Вож-Пай, Тиутей-Сале и пр.) особенностью узоров, наличием валика с поперечной гребенчатой насечкой, расположением орнамента, формой сосудов. Он может быть отнесен ко второй половине оронтурского — самому началу кинтусовского этапа (VIII—X вв. н.э.).

Следующая группа представлена 392 фрагментами не менее 43 сосудов с городища Ермаково II. Подобная керамика известна на памятниках кинтусовского этапа (X—XIII вв. н.э., на городищах Молчановском, Безымянном, Ново-Никольском)¹⁹. Для орнамента характерны сухость, монотонность, преобладание гребенчатого штампа, линейное завершение орнамента. В то же время на сосудах с городища Ермаково II есть косые ленточные узоры и фигурные штампы, характерные для оронтурского этапа. По-видимому, памятник существовал в начале кинтусовского этапа (X—XI вв. н.э.), когда оронтурские орнаментальные традиции были еще сильны.

Самая поздняя группа второго комплекса представлена материалом с селища Ермаково 14 и городища Ермаково I — 220 фрагментами 54 сосудов. Тщательность изготовления, абсолютное преобладание частых оттисков гребенки, отсутствие штампованных узоров, сухость и монотонность орнаментации, высокая прямая шейка с крутым переходом в раздутое тулово характерны для керамики кинтусовского этапа²⁰, временем которого мы и датировем эту группу.

Среди обнаруженных (как на городищах, так и на селище) вещей датирующих немного: литые медные лапчатая подвеска, навершие и бубенчик. Остальные (железные и костяные наконечники стрел, кольца) широко распространены как

хронологически, так и территориально. Украшения в виде лапчатых подвесок специфичны для Приобья. Их максимальное распространение падает на конец I — начало II тысячелетия²¹. Бубенчики более широко распространены по территории, но укладываются в те же хронологические рамки²². Навершие датируется по схожему из «Зимовья Мамаева» IV—V вв. н.э.²³, но возможна и более поздняя дата.

Два тигля (Ермаково городище IV и селище 5), один из них частично реконструируется (рис. 3-4). С одного конца прослеживается сужение, очевидно, в сторону слива. В профиле срез тигля плоский, по толщине неровный. Цвет внешней поверхности — серо-желтый, темно-серый, внутренней — серо-коричневый. Внутренность тигля ошлакована, на ее поверхности видны следы взаимодействия с металлом (предположительно цветным).

В очагах жилища городища Ермаково IV найдены бесформенные сплески бронзы, некоторые с примесью песка и шлака.

В одной из ямок от столбов жилища городища Ермаково IV обнаружено скопление (66 экз.) мелких полупрозрачных галек (халцедон, агат, сердолик). Каменные изделия редки, в коллекции имеется лишь три небольших бесформенных скола, найденных на городище Ермаково V.

Две растирки (?) изготовлены из стенки средневекового сосуда (городище Ермаково II) и шейки сосуда раннего железного века (городище Ермаково XX). Обе неправильной трапециевидной формы (7,5×4,3 см и 4,4×1,3 см, толщина 6—8 мм). Орнаментальная композиция средневекового сосуда, состоит из косых лент, выполненных отступающей лопаточкой, и рядов наклонных оттисков короткого гребенчатого штампа характерна для оронтурского времени (VI—IX вв. н.э.)²⁴. Фрагмент сосуда раннего железного века имел плоский орнаментированный срез. Его верхний край украшен горизонтальным рядом косо поставленного гребенчатого штампа, ограниченным снизу рядом жемчужин.

На Ермаковых городищах II, IV и селищах Ермаково 14 и Путчи-Урий 1 преимущественно в очагах обнаружены мелкие пережженные кости. Принадлежность их определить трудно. Применялись они, вероятно, как топливо. На селище Ермаково 14 при раскопках обнаружен обломок таранной кости северного оленя²⁵.

4. На основе проведенного анализа можно заключить, что первая группа населения появилась в районе Ермаково во второй четверти I тысячелетия до н.э. (городище Ермаково IV, первая группа первого комплекса керамики). Несколько позже появляется вторая группа населения с иными традициями украшения посуды, строительными и фортификационными навыками (городища Ермаково V, VIII; вторая группа первого комплекса). Происходит ассимиляция пришлого населения (на

керамике второго комплекса прослеживается преобладание традиций первой группы населения). Строительные навыки слились, что проявилось в облике городищ XVIII—XX, отражающих черты обеих групп (большая площадь, более мощная оборонительная система и др.).

Новые изменения, судя по керамике, происходят в начале I тысячелетия н.э. Их причины определить трудно. Сравнивая предшествующую позднюю усть-полуйскую керамику и керамику сургутского типа²⁶, представленную комплексами селищ Ермаково 4, 5 и городищ Ермаково XVIII—XX, с керамикой первого (ярсалинского) этапа средневековья, можно легко обнаружить сходство в форме сосудов, профиле венчиков, расположении орнаментального пояса, отдельных элементах орнамента и др.²⁷, т. е. проследить преемственность. Отчетливо фиксируется и новое: насыщенность узора, преобладание фигурных штампов, композиция орнамента.

Это хорошо прослеживается на материалах Барсовой горы и хуже — Ермаковых поселений, так как к ярсалинскому этапу здесь может быть отнесено лишь городище Егоркин-Урий III, а с карымским нельзя связать ни одного.

Даже неполный охват памятников наводит на мысль об определенных изменениях в жизнедеятельности ермаковского населения в первой половине I тысячелетия н.э.: можно предположить его отток, связанный с естественно-географическими условиями.

Дальнейшую историю населения среднего течения р. Тром-Аган представляют памятники с керамикой второго комплекса. Начиная с конца I тысячелетия (вторая половина оронтурского этапа) до середины II тысячелетия н.э. (XIII—XV вв.) идет развитие, выражающееся в единообразном изменении форм и орнаментации сосудов²⁸ (последовательность: селище у городища Ермаково XI, городище II, селище 14, городище 1). Это же подтверждается развитием строительной техники (выделяется особый тип укрепленных поселений)²⁹. Поздняя группа памятников функционировала до XIII—XIV вв.

В XVIII в. на городище Ермаково I возникло святилище. Самая ранняя монета с него датируется 1731 г.

5. Определение этнической принадлежности древнего населения затруднено, поскольку связано с выяснением этнического состава Сургутского Приобья в целом³⁰.

В период первых достоверных письменных источников эта территория входила в состав «княжества Бардака»³¹. Г. И. Пелих отмечает, что «по вопросу об этнической принадлежности населения бывшего «Бардакова княжества» в историко-этнографической литературе нет единой точки зрения»³². «...Большинство современных исследователей этих мест относят жителей «Бардакова княжества» к сургутским хантам»³³ и называют Бардака «хантэйским князцом»³⁴.

Г. И. Пелих наряду с другими исследователями³⁵ считает, что «эти места являются территорией исконного расселения селькупского племени соргула», что «часть селькупского племени соргула (сургуты) переселилась под натиском хантов еще до XVII в. на Н. Васюган»³⁶. Первым доводом Г. И. Пелих были материалы Уральской экспедиции, давшие основание утверждать, что в районе «Бардакова княжества» была распространена типично самодийская культура, которая не отличалась по своим основным показателям от остальных культурных центров, расположенных в XV—XVI вв. на территории расселения селькупов соргула»³⁷. Ссылка сделана на раскопки авторов данной статьи³⁸. К сожалению, мы вынуждены констатировать недостаточную обоснованность аргумента.

Как уже отмечалось, группа поздних памятников Ермаково (городища I, II, X, селище 14) «дожила» до XIII—XIV вв. Уместно сравнить керамику из раскопок поселений со смежных территорий расселения современных хантов (Сургутское Приобье) и селькупов (Нарымское Приобье)³⁹, чтобы выяснить сходство или различие в этой части материальной культуры. Для сравнения материала второй половины I тысячелетия н.э. взята керамика с могильника Релка (Нарымское Приобье), городища Ермаково II и селища 11 (Сургутское Приобье); рубежа тысячелетий — середины II тысячелетия — городища Ермаково I и селища 14 (Сургутское Приобье), могильников Пачанга и Остяцкая гора (Нарымское Приобье).

И в Сургутском и в Нарымском Приобье применялись сложные отошители: вместе с песком добавляли шамот и дресву. Стенки ермаковских сосудов преимущественно средние и толстые, релкинские большей частью средние, частично тонкие и толстые. Цвет ермаковских сосудов преимущественно серый, релкинских еще черный и желтый. Существенно отличие в обработке поверхности: ермаковские сосуды просто обжигались, а при обработке 25 % релкинских применялось ангобирование. По форме почти все ермаковские относятся к горшкам, в то время как релкинская посуда делится на горшки, чаши и сосуды в виде ладей. В числе форм релкинских горшков выделяется ребристая, полностью отсутствующая в ермаковской посуде. Среди релкинских орнаментов выделяются 9 элементов, среди ермаковских — лишь 5 (гребенка, ямочка, желобок, валик, фигурный штамп), причем гребенка и ямка встречаются на всех ермаковских сосудах, а на релкинских соответственно 49,2 и 19,8 %⁴⁰.

В отличие от ермаковской, где встречено лишь два вида штампа (лунница и глазчатый), фигурный штамп в орнаментации релкинской посуды занимает существенное место, что подтверждает характеристика ее II группы. Как отмечает Л. А. Чиндина, «композиции релкинского орнамента очень богаты и сложны», включают до 5 элементов и 7 мотивов (способ

расположения элементов)⁴¹. На ермаковских сосудах максимум по 3 элемента (гребенка, ямка, желобок или арка) и мотива, узор однообразнее.

Можно заметить, что при схожести ряда технологических и морфологических признаков резко выступают различия в форме, технике нанесения узоров и сложности орнаментации. Л. А. Чиндина по сочетанию признаков выделяет несколько типов керамики и различие двух первых объясняет «культурными отличиями, а не хронологическими». Она отождествляет их с типами могильников: релкинский — I тип керамики, малгетский — II тип. Исходя из этого, можно предположить, что различие ермаковской (гребенчатой) и малгетской (фигурно-штампованной) керамики объясняется принадлежностью к различным культурам: в первом случае — к нижеобской (оронтурский этап), во втором — к релкинской, ее северному варианту в Нарымском Приобье⁴².

Не являются ли эти различия еще и этническими? Для ответа обратимся к материалу середины II тысячелетия н.э. (первая половина II тысячелетия известна очень слабо). В с. Молчаново (Нарымское Приобье) находятся курганные могильники XVI—XVII вв. Пачанга и Остяцкая гора. А. Л. Дульзон и другие исследователи считают их селькупскими⁴³. На основе анализа остатков материальной культуры, главным образом керамики, доказана связь между памятниками XVI—XVII вв. (могильники Пачанга и Остяцкая гора) и могильником Релка⁴⁴. В памятниках Приобья XV—XVI вв. керамической посуды нет, она заменяется металлической. Фрагменты такой встречены и на памятниках Томско-Нарымского Приобья, что говорит о ее распространении наряду с глиняной. Одновременное существование двух видов посуды, возможно, традиционная особенность культуры селькупов.

Таким образом, можно ставить вопрос о различной культурной и этнической принадлежности населения Сургутского и Нарымского Приобья, по крайней мере, со второй половины I тысячелетия н.э. Не исключено, что это различие было и ранее. Памятники I тысячелетия н.э. Томско-Нарымского Приобья выводятся из кулайской культуры раннего железного века⁴⁵. Мы доказываем преемственность развития керамических комплексов Ермаково и Барсовой горы начала железного века — середины II тысячелетия н.э.

Исследователями отмечена близость материальной и духовной культуры восточных хантов и селькупов. Это прослежено и на археологическом материале. Но это сходство можно объяснить «особенностью позднейшей этнической истории селькупов и хантов, а не этногенеза»⁴⁶, который «к середине I тыс. н.э. в Приобье в основном завершился и имел своим следствием образование обско-угорских племен»⁴⁷.

Возможны взаимопроникновения хантов и селькупов. Этим

можно объяснить появление уже в середине I тысячелетия н. э. древних хантов на территории Васюганья (городище Тух-Эмтор)⁴⁸, хотя первыми здесь появились и освоились самодийцы. Подобное было, вероятно, и ранее. В VIII—VII вв. до н. э. в районе Ермаково появилось пришлое население (вторая группа первого комплекса городищ V и VIII). Предполагаемый отток населения в первой половине I тысячелетия н. э. может быть также связан с какими-то миграциями, приведшими к появлению здесь самодийцев, оставивших ряд топонимов, на которые ссылается Г. И. Пелих⁴⁹.

Эти ссылки были бы убедительнее, если бы приводились и данные по угорским топонимам: их соотношение на данной территории остается невыясненным. Некоторые высказывания Г. И. Пелих можно трактовать только двояко. Нельзя согласиться с преобразованием «соргула» в «сургут» через «сэргула»⁵⁰. Если «о» и «э» могут перейти в «у», то «л» не может согласно русскому словообразовательному процессу перейти в «т». Этим ставится под сомнение самодийская принадлежность наиболее распространенного на территории Бардакова княжества этнонима.

И, наконец, о косвенном доказательстве принадлежности бардаковцев к селькупам. Приведя данные А. Х. Лерберга, Г. И. Пелих делает вывод, что «граница древней Угрии в бассейне р. Оби простиралась именно до правого притока Оби р. Аган, т. е. до владений Бардака, а дальше шли земли самодийцев, т. е. селькупов». Но почему «до владений Бардака»? Ведь эти земли, по словам исследователя, были «расположены по соседству с племенем соргула в бассейнах правых притоков Оби — Агана и Тром-Югана»⁵¹, т. е. почти целиком (за исключением левых притоков Агана) в границах «Угрии».

Таким образом, авторы на основании анализа остатков керамики, жилищ и поселений и их сравнения с материалом сопредельного региона считают: древние поселения района Ермаково принадлежали одной из групп угорского этноса.

¹ Чемякин Ю. П., Кортаев В. П. Многослойное городище Барсов городок 1/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье). — ВАП, 1979, с. 49—62; Морозов В. М., Сосновкин И. Н. Городища Среднего Тром-Агана. — Там же, с. 89—106; Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье. — В кн.: Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977, с. 104—118; Федорова Н. В. Код для описания и возможности машинной обработки фигурно-штампованной керамики эпохи средневековья. — Там же, с. 50—55; Елькина М. В. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности). — В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 71—77; Федорова Н. В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э. — Там же, с. 78—83; Чемякин Ю. П., Сосновкин И. Н. Городище Барсов городок 1/2 близ Сургута. — ВАП, 1979, с. 118—130; Чемякин Ю. П. Городище Барсов городок 1/11 и 1/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья. — Там же, с. 131—144; Фе-

дорова Н. В. Новые находки мелкой антропоморфной пластинки на поселениях конца 1 тыс. н. э. в Среднем Приобье.— Там же, с. 145—151; Чемякин Ю. П. Городища Барсов городок I/13 и I/14.— В кн.: Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981, с. 62—68; Федорова Н. В. Новый клад эпохи средневековья с Барсовой горы.— Там же, с. 148—152; Чемякин Ю. П. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье.— ВАН, 1981, с. 87—91; Елькина М. В. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной полосы Западной Сибири.— Там же, с. 109—111.

² Морозов В. М., Сосновкин И. Н. Городища Среднего Тром-Агана, с. 89—90.

³ Морозов В. М. Средневековые городища Нижнего Приобья.— ВАН, 1981, с. 145.

⁴ Там же, с. 146.

⁵ Программа составлена в процессе работы семинара под руководством В. Д. Викторовой и при участии авторов статьи.

⁶ Соколова З. П. К истории жилища обских угров.— СЭ, 1957, № 2; Она же. К вопросу о развитии обско-угорской землянки.— Тр. ТОКМ, 1959, вып. 1.

⁷ Соколова З. П. К вопросу о развитии..., с. 9.

⁸ Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979, с. 122—125; Викторова В. Д. Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э.— Учен. зап. Перм. ун-та, 1968, № 191, с. 242.

⁹ Соколова З. П. К вопросу о развитии..., с. 11; Она же. Современные поселения и жилища ваховских хантов.— ТИЭ, 1960, т. 6, с. 180, 181; Она же. Обско-угорские дощатые постройки.— КСИЭ, 1959, вып. 31.

¹⁰ Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье.— МИА, 1953, № 35, с. 221—241; Он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.— МИА, 1957, № 58, с. 136—245.

¹¹ Елькина М. В. Новые данные..., с. 72, 74, 75; Она же. Поселения раннего железного века..., с. 107—117; Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. Много-слойное городище Барсов городок I/10..., с. 62; Чемякин Ю. П. Городище Барсов городок I/11 и I/12..., с. 142—143; Он же. Городища Барсов городок I/13 и I/14..., с. 67—68.

¹² Авторы благодарят Ю. П. Чемякина, С. Ф. Кокшарова за консультацию по данному вопросу.

¹³ Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. Много-слойное городище..., рис. 4.

¹⁴ Чемякин Ю. П. Городище Барсов городок I/11 и I/12..., рис. 4; Елькина М. В. Поселения раннего железного века..., с. 114.

¹⁵ Елькина М. В. Поселения раннего железного века..., с. 117; Чемякин Ю. П. Городище Барсов городок I/11 и I/12..., с. 143, 144.

¹⁶ Чемякин Ю. П. Городище Барсов городок I/11 и I/12..., с. 144.

¹⁷ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье..., с. 138, 160; Федорова Н. В. О культурной принадлежности..., с. 81—82.

¹⁸ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье..., с. 188, 200; Федорова Н. В. О культурной принадлежности..., с. 80.

¹⁹ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье..., с. 213.

²⁰ Там же, с. 188, табл. XX-I, 5, XXV-5, 6.

²¹ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье..., с. 202, табл. XXVIII, рис. 2; Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969, т. 2, прил., рис. 54-9.

²² Викторова В. Д. Население эпохи железа..., рис. 58-1.

²³ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье..., табл. VII, рис. 5.

²⁴ Там же, с. 188.

²⁵ Определен сотрудником Института экологии УНЦ П. А. Косинцевым.

²⁶ Чемякин Ю. П. Керамика эпохи финальной бронзы..., с. 88.

²⁷ Чернецов В. Н. Нижнее Приобье..., с. 143.

²⁸ Там же, с. 188, 194, 213.

²⁹ Морозов В. М. Средневековые городища..., с. 145—146.

³⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960; Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род, фратрия).— СЭС, 1952, вып. 1; Пелих Г. И. Селькупы. Новосибирск,

1980; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935; Соколова З. П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов.— В кн.: Этногенез народов Севера. М., 1980; Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских угров.— КСИИМК, 1941, вып. 9.

³¹ Пелих Г. И. Селькупы, с. 72—73.

³² Там же, с. 20.

³³ Соколова З. П. К проблеме этногенеза..., с. 99.

³⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав..., с. 78.

³⁵ Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации..., с. 90.

³⁶ Пелих Г. И. Селькупы, с. 20, 21.

³⁷ Там же, с. 21.

³⁸ Морозов В. М., Нифонтов А. А., Пархимович С. Г. Исследования на среднем Тром-Агане.— АО, 1975, с. 227—228.

³⁹ Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.

⁴⁰ Там же, с. 54, 55, 59.

⁴¹ Там же, рис. 37, с. 61.

⁴² Там же, с. 113, 116.

⁴³ Сулев Г. В. Могильник Релка и поздние археологические памятники Средней Оби.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969, с. 183—184.

⁴⁴ Чиндина Л. А. Могильник Релка..., с. 196.

⁴⁵ Ураев Р. А. Кулайская культура Среднего Приобья.— В кн.: Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959, с. 24; Чиндина Л. А. Керамика могильника Релка на Средней Оби.— СА, 1970, № 1, с. 251; Чернецов В. Н. Усть-полуйское время..., с. 238.

⁴⁶ Соколова З. П. К проблеме этногенеза..., с. 98.

⁴⁷ Чернецов В. Н. Очерк этногенеза..., с. 26.

⁴⁸ Кирюшин Ю. Ф., Фирсов Л. В. Радиоуглеродная хронология и датировка археологических памятников в Приобье.— В кн.: Новые методы в археологии. Томск, 1980, с. 71.

⁴⁹ Пелих Г. И. Селькупы, с. 12—14, 21—22.

⁵⁰ Там же, с. 12—13.

⁵¹ Там же, с. 22, 19.

СОКРАЩЕНИЯ

АИА АН СССР	— Архив Института археологии АН СССР
АКА ПГУ	— Архив кабинета археологии Пермского государственного университета
АКА УрГУ	— Архив кабинета археологии Уральского государственного университета
ВАП	— Вопросы археологии Приобья
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
КФ АН СССР	— Казанский филиал АН СССР
СЭС	— Сибирский этнографический сборник
ТИЭ	— Труды института этнографии
ТОКМ	— Томский областной краеведческий музей